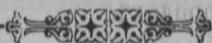

ТАВРИЧЕСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Подписка
принимается
въ редакціи
Епарх. Вѣд.
въ Таврич.
Духовн. Кон-
систоріи.

Выходятъ четыре раза въ мѣсяць.

№ 5.

4 Февраля 1894 года.

Ц ѣ н а
за годовое
изданіе съ
пересылкою
и безъ
пересылки
5 рублей.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей покорнѣйше проситъ духовенство мѣстной епархіи, а равно и другихъ лицъ принять дѣятельное участіе въ изданіи своими литературными трудами. Страницы вѣдомостей будутъ доступны не только въполнѣ обработаннымъ статьямъ, но замѣткамъ и наблюденіямъ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе.

Г-нъ Оберъ-Прокуроръ Св. Синода отношеніемъ, отъ 13 Января с. г. за № 192, увѣдомилъ Его Преосвященство, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 27 день минувшаго Декабря, Высочайше соизволилъ на устройство народныхъ чтеній съ туманными картинами въ г. Бердянскѣ

подъ ближайшимъ наблюденіемъ учителя—инспектора мѣстнаго городского училища, при непремѣнномъ участіи духовныхъ лицъ для чтенія книгъ и статей религіозно-правственнаго содержанія, и согласно съ Высочайше утвержденными 24 Декабря 1876 года правилами для таковыхъ чтеній въ губернскихъ городахъ.

Епархіальные извѣстія.

Псаломщикъ Александро-Невской церкви с. Строгановки, Днѣпр. уѣзда, Трофимъ *Федюшинъ* уволенъ отъ занимаемой имъ должности—заштатъ, а на его мѣсто въ с. Строгановку опредѣленъ подвергавшійся испытанію въ знаніи предметовъ, необходимыхъ для псаломщика, священнической сынъ Іоаннъ *Архангельскій*.

При Вознесенской церкви с. Рождественскаго, Днѣпровскаго уѣзда, открыта вторая вакансія псаломщика и на оную перемѣщенъ изъ с. Емельяновки, Феод. уѣзда, псаломщикъ Венедиктъ *Пасенченко*.

Преподано Архипастырское Благословеніе, съ выдачею установленныхъ свидѣтельствъ:

Поселянину с. Александровки, Мелит. уѣзда, Николаю *Каварналы* за пожертвованіе имъ въ свою приходскую Рождество-Богородичную церковь с. Владиміровки двухъ висячихъ подсвѣчниковъ „Фраже“ стоимостью въ 72 р. и серебряной кадильницы въ 32 р.

Поселянину с. Владиміровки Архипу *Гаенко* и крестьянину с. Песчанаго Лугъ *Ладогъ* за пожертвованіе ими совмѣстно въ ту же церковь благолѣпно устроенной и украшенной гробницы подъ плащаницу стоимостью въ 190 р.

Утверждены церковными старостами:

Бъ Успенской церкви с. Балокъ, Мелитопольскаго уѣзда,—мѣстный крестьянинъ *Феодоръ Мирошниченко*.

Бъ Александро-Невской соборной церкви г. Феодосіи—
купецъ *Василій Васильевичъ Палоткинъ*.

Уволены: Крестьянинъ *Дмитрій Рубанъ*—отъ должности старосты при Троицкой церкви с. Берестоваго, Бердянскаго уѣзда, согласно прошенію.

ОТЧЕТЪ

о состояніи Таврическаго епархіальнаго женскаго училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1892—93 учебный годъ.

1., Личный составъ служащихъ.

Въ отчетномъ отъ основанія училища 27-мъ году въ составѣ служащихъ произошли слѣдующія перемѣны: резолюціей Его Преосвященства отъ 25 Іюня уволены, согласно прошенію, пепиньеры *Зиновія Соловьева*, *Евгенія Дуброва* и *Марія Кириакевичъ*, а на ихъ мѣста опредѣлены *Ольга Аѳонская*, *Филиппова Наталія* и *Заіончевская Антонина*. Начальница училища *Марѳа Рогуля*, послуживши въ училищѣ 5 лѣтъ, согласно прошенію, уволена указомъ Св. Синода отъ 17 Іюля, и на ея мѣсто тѣмъ же указомъ назначена вдова статскаго совѣтника *Юлія Григорьева*.

По резолюціи Его Преосвященства отъ 18 Августа, уволилась, согласно прошенію, классная воспитательница *Марія Муратовская* и назначена на ея мѣсто *Марія Рогуля*. 29 Сентября уволилась пепиньера *Филиппова Наталія* и назначена на ея мѣсто *Лариса Гладкая*; 14 Октября уволилась пепиньера *Заіончевская Антонина* и опредѣлена на ея мѣсто *Зябрева Ольга*, а *Стародобова Анна* назначена запасной классной воспитательницей. Отношеніемъ Оберъ-

Прокурора Св. Синода отъ 3-го Декабря, учитель Русскаго языка Иванъ Лосіевскій перемѣщенъ въ Херсонское духовное училище на должность учителя Ариѳметики и Географіи, а на его мѣсто резолюціей Его Преосвященства отъ 15 Января опредѣленъ кандидатъ Академіи Крескентъ Матушевскій.

30 Декабря умерла классная воспитательница Марія Страдомская, и на ея мѣсто, по предложенію начальницы, назначена совѣтомъ, съ утвержденія Его Преосвященства, отъ 15 Января, пепиньера Лариса Гладкая. Апрѣля 25-го учительница приготовительнаго класса Марія Котляревская уволилась отъ завѣдыванія училищной библіотекой, и на ея мѣсто опредѣлена запасная классная воспитательница Анна Стародобова съ жалованьемъ 50 р. въ годъ. Затѣмъ, составъ служащихъ къ концу года былъ слѣдующій.

Составъ совѣта.

1) Предсѣдатель совѣта, священникъ Іоаннъ Тяжеловъ, кандидатъ богословія; жалованья по сей должности получаетъ 200 руб. и служитъ при училищѣ съ 31 Августа 1889 года.

2) Начальница училища, вдова статскаго совѣтника Юлія Григорьева, съ институтскимъ образованіемъ; жалованья получаетъ 500 руб., столовыхъ 360 р. и на разъѣзды 60 р.—всего 920 р. при готовой квартирѣ съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и одной прислугой; служитъ съ Августа 1892 года.

3) Инспекторъ-законоучитель, священникъ училищной церкви Димитрій Рѣпинскій, кандидатъ богословія. Жалованья получаетъ по должности инспектора 300 р., законоучителя (21 урокъ) 1440 р. и за совершеніе Богослуженія 100 р.—всего 1840 р., при готовой квартирѣ съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и одной прислугой. Служитъ съ Февраля 1891 года.

4) Членъ отъ духовенства, священникъ церкви при острогѣ Іоаннъ Ильевичъ, изъ студентовъ перваго курса университета. Жалованья получаетъ 180 руб. и служитъ при училищѣ съ Октября 1890 года.

5) Членъ отъ духовенства, онъ же и законоучитель въ приготовительномъ классѣ, священникъ кафедральнаго собора Феодоръ Сукованченко, студентъ семинаріи. Жалованья получаетъ за обѣ должности 360 р. и служитъ съ 1887 года.

6) Дѣлопроизводитель совѣта, священникъ гимназической церкви Симеонъ Панкѣевъ, студентъ семинаріи. Жалованья получаетъ 180 руб. и служитъ съ Октября 1890 года.

Преподаватели и преподавательницы.

1) Русскаго языка—Крескентъ Матушевскій, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ (21 урокъ) 1150 р. и служитъ съ Января 1893 года.

2) Гражданской исторіи и географіи съ космографіей—священникъ гимназической церкви Владиміръ Александровъ, кандидатъ богословія. Жалованья получаетъ (21 урокъ) 1440 р. и служитъ съ Августа 1886 года.

3) Ариѳметики и геометріи—бывшій учитель гимназіи Александръ Хамарито, имѣющій званіе преподавателя гимназіи. Жалованья получаетъ (20 уроковъ) 800 руб. и служитъ съ Января 1886 года.

4) Физики—преподаватель мѣстной семинаріи Викторъ Трутовскій, кандидатъ математики. Жалованья получаетъ (5 уроковъ) 200 руб. и служитъ при училищѣ съ Сентября 1891 года.

5) Педагогики—старшій учитель еврейскаго училища Степанъ Ульковскій, окончившій курсъ въ учительскомъ институтѣ. Жалованья получаетъ за два урока по педагогикѣ 80 руб. и за руководство практическими занятіями

воспитанницъ въ женской образцовой школѣ 60 руб.; служить при училищѣ съ 1882 года.

6) Церковнаго пѣнія—учитель мѣстнаго городского училища Петръ Запорожець, окончившій курсъ въ учительскомъ институтѣ; жалованья получаетъ за уроки пѣнія (10 ур.) и управленіе хоромъ 240 р. и служить съ Декабря 1891 года.

7) Чистописанія—дѣвица Марія Дорошенко, изъ ученицъ гимназіи; жалованья получаетъ (10 ур.) 200 руб. и служить съ 1884 года.

8) Французскаго языка—дѣвица Роза Глазеръ, съ институтскимъ образованіемъ. Жалованья получаетъ (12 ур.) 240 руб. и служить съ Сентября 1890 года.

9) Нѣмецкаго языка—Анна Гиртентрей съ правами домашней учительницы. Жалованья получаетъ (12 ур.) 240 руб. и служить съ 1881 года.

10) Учительница приготовительнаго класса по русскому языку, ариѳметикѣ и чистописанію, дѣвица Марія Котляревская, съ правами домашней учительницы. Жалованья получаетъ (13 ур.) 260 руб., при готовой квартирѣ со столомъ; служить съ Августа 1886 года.

11) Учительница рукодѣлія, дѣвица Александра Петрова, окончившая курсъ въ Строгоновскомъ отдѣленіи дѣтскаго пріюта въ С.-Петербургѣ. Жалованья получаетъ 180 р., при готовой квартирѣ со столомъ; служить съ 1889 года.

Музыки учительницъ три: Параскева Козинцева, Екатерина Стовикъ и Марія Нечогина. Первые двѣ съ правами домашнихъ учительницъ, а послѣдняя изъ консерваторіи. Жалованья получаютъ по 25 р. за ученицу и служатъ: Козинцева съ 1887 года, Стовикъ съ 1889 года и Нечогина съ 1888 года.

Воспитательницы и пепиньеры.

1) 6-го класса—дѣвица Параскева Яновская, окончив-

шая курсъ въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ съ правами домашней учительницы; жалованья получаетъ 240 руб.; служить съ Августа 1884 года.

2) 5-го класса—дѣвица Ольга Безстегная, окончившая здѣшнее училище; жалованья получаетъ 240 руб.; служить съ 1888 года.

3) 4-го класса—дѣвица Марія Дракопуло, окончившая гимназію; жалованья получаетъ 300 руб.; служить съ 1881 года.

4) 3-го класса—дѣвица Лариса Гладкая, окончившая институтъ; получаетъ жалованья 180 руб.; служить съ Января 1893 года.

5) 2-го класса—дѣвица Теокиста Кириакевичъ, окончившая здѣшнее училище; жалованья получаетъ 300 руб.; служить съ 1882 года.

6) 1-го класса—дѣвица Марія Жежеленко, окончившая здѣшнее училище; жалованья получаетъ 300 руб.; служить съ 1878 года.

7) Приготовительнаго класса—дѣвица Марія Рогуля, окончившая гимназію; жалованья получаетъ 180 руб.; служить съ Августа 1892 года.

Примѣчаніе. Сверхъ жалованья всѣ классныя воспитательницы пользуются квартирою со столомъ при училищѣ.

8) Запасная классная воспитательница, дѣвица Анна Стародубова; окончившая здѣшнее училище; служить съ Октября 1892 года, безъ жалованья, получая за завѣдываніе бібліотекой 50 руб. въ годъ.

Пепиньеры Ольга Аѳонская и Ольга Зябрева, окончившія здѣшнее училище; при полномъ содержаніи отъ училища получаютъ по 60 руб. въ годъ.

Другія лица, служація при училищѣ.

1) Училищный врачъ, статскій совѣтникъ Николай Ветлингъ, докторъ медицины; жалованья получаетъ 300 руб.; служить съ Января 1884 года.

2) Почетный блесститель по хозяйственной части, симферопольскій купецъ Георгій Христофоровъ; состоитъ въ этой должности съ 1888 года.

3) Надзирательница при больницѣ, сестра милосердія, дѣвица Ольга Лавриновичъ, домашняго образованія. Жалованья получаетъ, при готовой квартирѣ со столомъ, 180 руб.; служитъ съ Августа 1886 года.

4) Экономъ, надверный совѣтникъ Николай Труль изъ учениковъ гимназіи; жалованья получаетъ 400 руб. при готовой квартирѣ со столомъ.

Такимъ образомъ, всѣхъ служащихъ при училищѣ было 34 человекъ.

II. Составъ учащихся.

Въ концу отчетнаго года всѣхъ воспитанницъ по спискамъ значилось 254 (вновь приняты послѣ экзаменовъ двѣ: одна въ 1-ый классъ, а другая въ 5-й классъ).

По классамъ эти 254 воспитанницы распредѣлялись такъ: въ 6-мъ классѣ было 23 воспитанницы, въ 5-мъ классѣ 33, въ 4-мъ классѣ 43, въ 3-мъ классѣ 44, во 2-мъ классѣ 40, въ 1-мъ классѣ 39 и приготовительномъ классѣ 32 воспитанницы.

Духовнаго званія воспитанницъ было 225 и свѣтскихъ 29. Изъ воспитанницъ духовнаго званія священническихъ дочерей 125, діаконскихъ 37 и псаломщицкихъ 63. Живущихъ въ общежитіи 247 и приходящихъ 7. По способу содержанія живущія въ общежитіи раздѣлялись такъ: полноцерковныхъ воспитанницъ было 85, полуцерковныхъ 22, своекоштныхъ духовныхъ 118, своекоштныхъ свѣтскихъ 19 и стипендіатокъ три: одна имени Высокопреосвященнаго Гурія и двѣ—Преосвященнаго Мартиніана. Своєкоштные духовныя платили по 135 руб., а съ своекоштныхъ свѣтскихъ плата взималась различная, начиная отъ 300 руб. и кончая 150 руб.

(Продолженіе будетъ).

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ТАВРИЧЕСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

№ 5. | 4-го Февраля 1894 года. | № 5.

I.

О СЧАСТІИ.

Бесѣда съ воспитанниками 4-го класса Таврической Духовной Семинаріи въ началѣ новаго года.

Въ началѣ новаго года,—на рубежѣ между промелькнувшимъ прошедшимъ, для котораго нѣтъ возврата, и выступающимъ будущимъ, которое неизвѣстно, въ сознаніе каждаго естественно тѣснится много разнообразныхъ думъ. Но изъ всѣхъ предметовъ, напрашивающихся на вниманіе въ это время, безъ сомнѣнія, самый близкій намъ есть тотъ, на который указывается въ привѣтствіяхъ и пожеланіяхъ, такъ щедро и обильно расточаемыхъ нами другъ другу въ началѣ новаго года,—*счастіе*. Уже потому только, что этимъ словомъ называются всѣ самыя разнообразныя желанія самыхъ разнородныхъ людей, понятно, что оно не можетъ обозначать для всѣхъ одного и того-же. Но изъ всѣхъ самыхъ различныхъ опредѣлений счастія есть возможность выбрать одно самое общее, самое безспорное и для насъ особенно близкое, именно то, по которому счастіе есть состояніе внутренняго мира и удовлетворенія, происходящее отъ сознанія, что наша дѣятельность идетъ согласно тому, что мы мыслимъ, какъ единственно желательное—должное,—выполняетъ то, что ей диктуютъ идеалы нашего ума, сердца и воли. Въ этомъ общемъ опредѣленіи намѣчаются три стороны или момента въ счастіи:

согласіе нашей дѣятельности съ идеалами, самые идеалы, какъ двигатели и показатели направленія этой дѣятельности, и состояніе внутренняго мира и удовлетвореніи,—первые два, какъ причина, и послѣдній, какъ слѣдствіе. На первомъ и главномъ мѣстѣ въ понятіи счастья стоятъ, конечно, идеалы—мѣра нашей дѣятельности; о нихъ естественно сказать и первое слово.—Питомцы школы, готовящей васъ быть въ томъ или иномъ состояніи дѣлателями церкви Христовой, вы по самому назначенію и настоящему положенію своему поставлены въ возможность знать истинные идеалы жизни и счастья яснѣе, представлять ихъ себѣ отчетливѣе, чѣмъ кто-либо другой. И для васъ главная забота не въ томъ, гдѣ найти эти идеалы, а только въ томъ, чтобы удержать ихъ въ своемъ сознаніи во всей ихъ высотѣ и чистотѣ, сохранить ихъ въ своемъ сердцѣ во всей дѣйственности и силѣ. Эта послѣдняя забота особенно настоятельна и выдвигается она какъ общими соображеніями о томъ, что только идеаль, хорошо выношенный, отчетливо продуманный и свободный отъ противорѣчій съ строемъ нашихъ теоретическихъ воззрѣній, способенъ воздѣйствовать на волю и воплотиться въ жизни,—такъ и тѣми особыми современными условіями, при которыхъ должна зрѣть молодая мысль и должны формироваться наши нравственные воззрѣнія, слагаться идеалы добра и счастья. Мы живемъ въ трудное, блазнящее время: всюду слышится голоса, отрицающіе самый смыслъ существованія того Божественнаго учрежденія, служить которому въ томъ или другомъ состояніи почти всѣ изъ васъ будутъ,—голоса, обѣщающіе въ то же время на опустошаемомъ ими мѣстѣ царства вѣры воздвигнуть царство разума; отовсюду раздаются разрушительные удары, направленные противъ дѣла Христа и Его церкви. Въ виду той смѣлости, съ какою современный отрицающій разумъ и наука надѣются пересоздать человечество помимо Христа и Его церкви, и въ виду нѣкото-

рыхъ успѣховъ знанія, принимаемыхъ многими за начало осуществленія такихъ надеждъ,—не удивительно, если нѣкоторые „спѣшатъ колебаться умомъ“ (2 Сол. 1, 2) и стараются міросозерцаніе религіозное прикрѣпить къ міросозерцанію модной мысли, положенія вѣры перевести на языкъ знанія; не непонятно даже, если иногда равновѣсіе между вѣрою и современной наукой въ сознаніи не выдерживается и наклоняется въ сторону послѣдней въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ средний путь между ними очень труденъ. Это стремленіе приспособиться къ модному настроенію умовъ замѣтно даже въ той области жизни духа, гдѣ, повидимому, для него всего менѣе могло-бы быть мѣста,—въ области вопросовъ нравственныхъ, идеаловъ добра, правды и счастья. Обыкновенно молчаливо подразумевается, что идеалы эти всецѣло исчерпаны въ ученіи Христа и церкви, но подъ давленіемъ моды вмѣстѣ съ тѣмъ является соблазнительное желаніе требованія разума Божественнаго разрѣшить въ требованія разума человѣческаго, вывести и обосновать законы и указать должное направленіе нравственной жизни на основаніи изученія проявленій и свойствъ одной духовно-тѣлесной природы человѣка,—желаніе, которое можетъ заводить особенно далеко и приводить къ послѣдствіямъ особенно прискорбнымъ.

Естественно поэтому намъ бросить взглядъ на состояніе той отрасли современнаго знанія, которая притязаетъ указывать идеалы жизни и счастья однѣми своими силами, помимо верховнаго авторитета ученія Христа, чтобы такъ или иначе рѣшить вопросъ, слѣдуетъ-ли при стремленіи къ счастью обращаться къ этой отрасли и отзываться на ея заманчивыя для молодой и неустойчивой мысли обѣщанія, или нужно сторониться отъ нея, какъ такой, которая можетъ не улучшить и возвысить, а только исказить и затемнить уже извѣстные и дорогіе намъ идеалы правды и счастья.

—Нѣтъ нужды перебирать и разсматривать всѣхъ частныхъ такъ называемыхъ научныхъ отвѣтовъ на вопросы объ этихъ идеалахъ. Всѣ они при изумительномъ разнообразіи въ подробностяхъ сходятся въ одномъ—въ стремленіи указать человѣку путь нравственной, счастливой жизни на основаніи изученія его самого, разгадать загадку его назначенія, не прибѣгая къ авторитету ученія Христова,—напротивъ, отклоняясь отъ этого авторитета и въ такомъ отклоненіи усматривая одинъ изъ признаковъ желанной побѣды ума и знанія надъ нежелательнымъ господствомъ непосредственной вѣры. Нельзя не отмѣтить, что именно этой своей чертой,—своею смѣлостію и самонадѣянностію новыя попытки перерѣшенія вопросовъ нравственныхъ всего болѣе притягиваютъ и плѣняютъ неокрѣпшую мысль, раздражаютъ молодое и живое любопытство, вливаютъ въ сердце отраву тщетныхъ надеждъ и приводятъ къ распу- тію, на которомъ насъ можетъ посѣщать иногда раздумье, какъ быть, если оказывается какая-либо разность въ томъ, что мы находимъ въ многоплодномъ, но слишкомъ простомъ и несложномъ ученіи Христа и въ мудро написанныхъ и хитро обоснованныхъ системахъ представителей чистаго знанія и науки? Опасность здѣсь тѣмъ болѣе велика, что на первый взглядъ ея совсѣмъ не видится: вѣдь и всѣ эти такъ называемыя научныя рѣшенія жизненныхъ вопросовъ исповѣдуютъ въ большинствѣ случаевъ возвышенные иде- алы и, повидимому, зовутъ насъ туда-же, куда зовутъ Христосъ и Его церковь, и чрезъ это усыпляютъ бдитель- ность разума и сердца, какъ-бы обѣщая не разрушать вѣ- ковыхъ и дорогихъ идеаловъ, а только—пересадить ихъ на болѣе твердую и жизнотворную почву. Всмотримся ближе и провѣримъ, дѣйствительно-ли идеалы христіанства требу- ютъ новой опоры и нравственные завѣты его для своей дѣйственности нуждаются въ помощи человѣческой мысли?

Мы ищемъ счастья; счастье происходитъ отъ проведе-

нія въ жизнь идеаловъ; можетъ-ли одна человѣческая мудрость дать и указать намъ эти идеалы? Это первый и основной вопросъ, и нужно признать, что на него бессильна отвѣтить мудрость безъ Бога. Идеаловъ жизни и счастья человѣчеству въ теченіе долгаго ряда вѣковъ предлагалось ровно столько, сколько было въ исторіи выдающихся по своимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ посителей философской мысли. Каждый изъ нихъ надѣялся и старался убѣдить другихъ, что онъ именно понялъ задачу бытія, что онъ нашелъ норму, при помощи которой человѣкъ можетъ стать тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть во вселенной, — исправить тотъ разладъ, истребить то недовольство, которые никогда не переставали томить человѣчество, какъ-бы оно глубоко не погружалось иногда въ нравственный сонъ и апатію. Но время шло и своимъ суровымъ теченіемъ смывало и изглаждало тѣ черты, которыя думали и надѣялись эти смѣлые поборники мысли провести по жизни человѣчества, зная, что ихъ рѣшенія вопросовъ жизни не имѣли подъ собой надлежащей почвы, миновали, обходили именно тѣ требованія общаго нравственнаго сознанія, которыя дѣйствительно нуждались въ удовлетвореніи. Еще до пришествія І. Христа изъ этихъ рѣшеній составилъ цѣлый длинный рядъ — и притомъ такихъ рѣшеній, которыя до сихъ поръ не перестаютъ восхищать насъ гибкостью и силою мысли, въ нихъ сказавшимися. Но что дали они человѣчеству во всей ихъ совокупности? — Счастье-ли, котораго добивались сами и которое обѣщали другимъ? Нѣтъ! Какъ ни странно это на первый взглядъ, но чѣмъ энергичнѣе и горячѣе было это исканіе счастья, тѣмъ болѣе античный міръ создавалъ себя бессильнымъ обрѣсти его. Иначе и быть не могло. Въ области великихъ жизненныхъ вопросовъ философскія школы самымъ разнообразіемъ своимъ должны были необходимо подрывать и опровергать одна другую и чрезъ то всѣ вмѣстѣ лишаться опоры въ сознаніи ихъ по-

слѣдователей и вести этихъ послѣдователей къ полнѣйшему скептицизму и отчаянію добиться истины. „Что есть истина?“ — спрашивалъ Пилать, а вмѣстѣ съ нимъ и все современное ему человѣчество въ лицѣ мыслившихъ представителей его. Такъ было съ вопросами ума; не было лучше съ вопросами сердца. Послѣднимъ самымъ лучшимъ словомъ нравственной философіи древняго міра былъ стоицизмъ, учившій находить истинное счастье въ душевномъ покоѣ, когда человѣкъ, отрекаясь отъ всего и спокойно перенося все, что послала ему судьба, тѣмъ самымъ избѣгаетъ всякой борьбы и всякаго страданія. Т. е. счастье — въ удаленіи отъ счастья, — вотъ отчаянный вопль, которымъ закончилъ древній міръ свои попытки рѣшить мировую загадку, понять мѣсто человѣка во вселенной.

„Но вѣдь это было такъ давно, въ эпоху младенчества мысли и знанія, когда даже въ зачаточномъ состояніи не было того, до чего додумалось и доискалось человѣчество теперь, въ наши дни,“ — можетъ подуматься нѣкоторымъ. Но такія думы — плодъ ложной надежды, порожденіе неискренней, односторонне работающей мысли. Уже и теперь можно достаточно ясно разглядѣть тотъ конецъ, угадать то послѣднее слово, которое скажетъ и современная мудрость по вопросамъ нравственной жизни поклонникамъ своимъ. Можно судить объ этомъ уже по одному тому направленію, въ которомъ она работаетъ и ищетъ отвѣтовъ на предлагаемые ей вопросы. Въ лицѣ самыхъ видныхъ современныхъ представителей ея она, „отбросивъ всякій законъ, предшествующій фактамъ и стоящій выше ихъ (каковъ — законъ нравственный евангельскій)“, хочетъ „исходить изъ фактовъ, чтобы извлечь законъ, изъ реальности, чтобы получить идеалы, изъ природы, чтобы создать нравственность“ (Гюйо). Въ такомъ желаніи много смѣлости; не достаетъ лишь знанія простой истины, что одно опытное изученіе человѣка можетъ дать въ результатъ только есте-

ственно-историческое понятіе о немъ, т. е. опредѣленіе того, что человѣкъ есть въ отношеніи тѣлесномъ и духовномъ, и, слѣдовательно,—что онъ *можетъ* дѣлать,—изъ чего никакъ однако нельзя вывести того, что онъ *долженъ* дѣлать, если не сдѣлать поправки, если не принимать во вниманіе понятія о его *назначеніи*. (Г. Лотце). При такихъ способахъ рѣшать вопросы нравственной жизни идеалы этой жизни скорѣе прямо отрицаются, чѣмъ указываются, ибо разсматриваются только, какъ нѣчто *данное*, хотя въ существѣ своемъ они всегда представляютъ собою только нѣчто *заданное* (Вундтъ). Въ лучшихъ случаяхъ современная мудрость не отказывается отъ идеаловъ, но зато не даетъ для нихъ никакой основы, проповѣдуетъ повинновеніе нравственному долгу, не умѣя научить этому повинновенію, устанавливаетъ законы нравственной жизни, не будучи въ силахъ внушить къ нимъ уваженіе.— Въ самомъ дѣлѣ требованія долга суровы и огромны; первое и послѣднее слово ихъ—непрерывное самоотреченіе, безкорыстное служеніе человѣчеству во ви́шнемъ поведеніи и борьба за преобладаніе идеальныхъ мотивовъ надъ чувственными побужденіями въ мірѣ внутреннемъ. Но *почему* я долженъ, въ правѣ спросить каждый, усиливаться осуществлять только *эти* требованія и подавлять все другіе, съ этими требованіями несогласные, запросы моей духовно-тѣлесной природы? Отчего законы добра, если для осуществленія ихъ достаточны одни реальныя данныя, такъ безсильны надъ жизнью человечества, —отчего ихъ дѣйствительное торжество встрѣчаетъ всюду неодолимыя препятствія? Въ каждомъ изъ насъ рядомъ съ задатками добра заключаются безконечныя возможности зла. Каждый носить въ себѣ глубокое, неистребимое противорѣчіе. Никто не въ состояніи достигнуть ступени, на которой можно было-бы выйти совершенно изъ подъ вліянія враждебныхъ инстинктовъ. Зло, отвергнутое сознательною волею, влачится за человѣкомъ, какъ тѣнь,

въ его безотчетныхъ влеченіяхъ и неуловимо тяготѣть надъ его поступками. При такихъ условіяхъ къ чему послужать всѣ труды въ дѣлѣ осуществленія требованій закона нравственнаго? Гдѣ ручательство конечной побѣды царства блага, коль скоро въ себѣ самомъ человѣкъ не носить такого ручательства? (проф. А. Лопатинъ).

А рядомъ съ этими, неразрѣшимыми для одной мысли, вопросами возникаетъ рой другихъ не менѣе мрачныхъ и смущающихъ недоумѣній. Кто эти люди, отважно мечтающіе пересоздать человѣчество, сказать ему, что оно есть и чѣмъ должно быть? Какъ-бы ни были велики ихъ умственные силы, они всегда прежде всего — люди, которые не во всемъ могутъ отрѣшиться отъ духа своего времени, отъ предразсудковъ своего народа, отъ своихъ собственныхъ слабостей, не свободны отъ заблужденій, не имѣютъ всеобъемлющаго знанія. При такихъ условіяхъ даже ту извращенную человѣческую природу, которая дана намъ въ опытѣ, для нихъ нѣтъ возможности изучить во всей глубинѣ и во всей широтѣ ея многообразныхъ проявленій у разныхъ людей, у разныхъ народовъ и въ различныя времена, а объ идеальномъ состояніи ея имъ остается строить только неясныя догадки, спутанныя теоріи, дѣлать шаткія предположенія. А между тѣмъ это состояніе нужно знать со всею ясностію и даже самому пережить его, чтобы создать нравственный законъ чистый, полный и для всѣхъ людей обязательный и доступный; потому что цѣль нравственнаго закона въ томъ и состоитъ, чтобы чрезъ исполненіе его отрѣшиться отъ ненормальнаго и извращеннаго состоянія и достигнуть идеала бытія, жизни и счастья. (Проф. А. Бѣляевъ).

—Такъ всякому, желающему питаться отъ однихъ плодовъ современной человѣческой мудрости, остаются только вопросы, вопросы безъ конца, безъ надежды получить на нихъ когда-либо успокоительные отвѣты. Не удивитель-

но послѣ этого, если отдаваясь отъ Христа и отдаваясь водительству этой мудрости, каждый искренній искатель истины долженъ переживать мучительное, мрачное, безотрадное состояніе, выходъ изъ котораго для натуръ болѣе послѣдовательныхъ и цѣльныхъ можетъ видѣться только въ самоубійствѣ (Толстой въ началѣ своихъ поисковъ за смысломъ жизни),—а для большинства—въ томъ, чтобы погасить въ своемъ сознаніи всякіе вопросы и жить, не задумываясь, не заглядывая впередъ, самые эти вопросы о смыслѣ жизни считая съ высоты житейскаго благоразумія плодомъ юношескихъ увлеченій, неразумныхъ и безцѣльныхъ порываній въ даль, свойственныхъ молодости. Къ счастью это насильственное нравственное усыпленіе далеко не всегда и не всѣмъ удается вполнѣ. Общее состояніе подавленности, безотчетное недовольство, мертвящая скука жизни,—бьющія сильной струей въ современной литературѣ нашей и заграничной,—не ложные показатели того, что счастье—не въ погонѣ за радостями міра, и что основные вопросы нравственной жизни не переходные только вопросы блуждающей юности, а—вѣковѣчные, насущные, исходные вопросы всей и всякой человѣческой жизни.

Такъ жалка и слаба человѣческая мудрость въ отъисканіи и указаніи того, что составляетъ первое и главное условіе въ дѣлѣ достиженія счастья человекомъ,—*въ указаніи истинныхъ идеаловъ.* Но еще слабѣе и бессильнѣе она научить человѣка согласовать свою жизнь съ идеалами, что составляетъ второе не менѣе важное условіе достиженія счастья. Она хочетъ въ началѣ нравственной жизни поставить простой законъ, отвлеченную идею и ее саму по себѣ считаетъ достаточно сильной для того, чтобы она вибрировала въ нравственное сознаніе человѣка и заправляла его жизнью. А между тѣмъ ясно, что одинъ безличный законъ, одна безличная идея не могутъ быть авторитетомъ для воли, не могутъ обязывать ея, не могутъ призывать

къ отчету или требовать на свое судилище. Какъ возможно привлекать человѣка къ отчету или къ суду предъ безличной идеей, въ дѣлахъ сорѣсти когда въ этихъ дѣлахъ его не могутъ судить даже люди? Въ дѣйствительности при такихъ условіяхъ я именно самъ долженъ вести дѣло предъ самимъ собою; я самъ долженъ въ послѣдней инстанціи произнести приговоръ надъ самимъ собою. Что въ такомъ судилищѣ, гдѣ разумная свобода должна быть собственнымъ авторитетомъ, не можетъ быть никакой силы авторитета, это должно быть очевиднымъ каждому (Ен. Мартенсенъ). А между тѣмъ нужда въ этомъ авторитетѣ такъ велика и настоятельна при выполнении второго условія въ дѣлѣ достиженія счастья, т. е. что-бы идеалы добра и счастья не оставались только отвлеченными тѣнями, а виѣдрялись въ нашу жизнь, перерабатывали нашу волю, осуществлялись въ нашей дѣятельности. Велика эта нужда потому особенно, что при самомъ искреннемъ желаніи добра человѣкъ не находитъ въ себѣ силъ дѣлать его. *„Добро, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю. По внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законъ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлющій меня плпнникомъ закона хрѣтховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“* (Римл. 7, 18—19; 22—24). Это не жалоба частнаго человѣка; это вопль всего человѣчества при видѣ неистребимаго противорѣчія въ его внутреннемъ существѣ,—противорѣчія, которое знаетъ за аксіому и философія подъ именемъ радикальнаго зла (Вантъ). Какія же пособія можетъ указать человѣческая мудрость, что-бы устранить это противорѣчіе, уничтожить разладъ между двумя существующими въ насъ волями и привести человѣка въ гармонію съ самимъ собою, дать ему внутренній миръ? Какъ ни странно на первый

взглядъ, но эта мудрость не знаетъ и не можетъ знать безъ противорѣчій себѣ другаго средства бороться со внутреннимъ зломъ, какъ, простое знаніе добра и борьба противъ заблужденій и предрасудковъ. (Эту иллюзію поддерживаютъ самые видные и модные представители философской этики: Фулье и Гюйо; изъ нашихъ Л. Толстой, проф. Бекетовъ (статья его въ „Вопросахъ филос. и псих.“ „Нравственность и естество-знаніе“) и ми. др. (Она надѣется, что люди сдѣлаются лучше, станутъ ближе къ идеаламъ добра и счастья черезъ одно просвѣщеніе и прогрессивную культуру. И какъ тщетны эти надежды! Такъ думать—значить не лѣчить болѣзнь, а только замалчивать ее, заставляя забыть о ней. Дѣло тутъ не въ одномъ недостаткѣ знанія, а главнымъ образомъ въ недостаткѣ силы, чрезъ которую знаніе могло-бы становиться дѣятельнымъ, въ недочетѣ способностей проводить знаніе добра въ жизнь. Такъ характерно выраженная въ приведенныхъ словахъ Ап. Павла особенность нашей природы, по которой между знаніемъ и хотѣніемъ существуетъ своего рода ложное соотношеніе, причемъ знаніе всегда идетъ далеко впереди нашего хотѣнія, и по которой истинное разумѣніе часто оказывается свидѣтелемъ лишь того, какъ воля дѣйствуетъ вопреки его требованіямъ;— не устраняма ни при какихъ условіяхъ а заявляетъ о своемъ существованіи на каждомъ шагу дѣйствительной жизни. Особенно это нужно сказать о минутахъ тяжелыхъ, нравственныхъ испытаній, о моментахъ полной немощи воли, когда всего яснѣе обнаруживается не невѣдѣніе или несознательность, а именно безсиліе. Большою частію незамѣтно для насъ страсть успѣваетъ пропитать и заразить себою всю нашу природу; имѣи всегда союзникомъ привычку, она легко становится господиномъ нашего настроенія и нашихъ дѣйствій и обезсиливаетъ голосъ долга, который самъ по себѣ есть лишь отвлеченная идея, только идеальная возможность. За послу-

шаніе себѣ страсть расплачивается немедленно, тогда какъ голосъ совѣсти общаетъ вознагражденіе только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. При отсутствіи стороннихъ, увеличивающихъ его силу, побужденій послѣдній никогда не въ состояніи одержать побѣды надъ первой. Откуда же звать помощь для борьбы тому, кто хочетъ этой борьбы? На что опереться человѣку, желающему достигнуть единства долга и склонностей, гармоніи съ самимъ собою? Напрасно за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ мы стали бы обращаться къ свѣтской этикѣ: она и теперь не можетъ предложить въ утѣшеніе большаго, чѣмъ предлагала почти 19 вѣковъ тому назадъ въ лицѣ представителей стоицизма. Оттого какъ мало тогда, такъ мало и теперь она можетъ дать человѣчеству такъ напряженно искомое, столь горячо желаемое имъ счастье.

Такъ, размышляя о томъ, гдѣ нужно искать счастья, мы узнали пока только, гдѣ не слѣдуетъ искать его. Но для насъ это есть уже отвѣтъ на вопросъ, гдѣ же на самомъ дѣлѣ источникъ его? Какъ безгрѣшный человѣкъ не могъ родиться на землѣ, но Богъ долженъ былъ сойти съ неба на землю, чтобы явить человѣка безгрѣшнаго, такъ и опредѣленіе истиннаго назначенія человѣка и средствъ— достигать этого назначенія и, чрезъ то приближаться къ счастью не могло и не можетъ быть дознано на землѣ, но должно было быть принесено съ неба. Его и возвѣстилъ вочеловѣчившійся Богъ, Господь Иисусъ Христосъ. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что это благовѣстіе разрѣшило всѣ мучительные вопросы нравственной жизни, предъ которыми бессильно склонялась и склоняется человѣческая мудрость. Нѣтъ нужды перечислять эти небесныя средства врачеванія нравственныхъ недуговъ человѣчества: они такъ хорошо извѣстны каждому изъ насъ. Главная забота наша должна направляться на то, чтобы эти наши знанія не оставались только достоиніемъ ума, а были вмѣстѣ съ

тѣмъ и влеченіями сердца. А для этого необходимо избѣ-
гать— „двоится въ мысляхъ“ (Іак. 1, 8), искать иной
опоры, иныхъ побужденій для проведенія этихъ знаній въ
жизнь, чѣмъ тѣ, которыя предложены въ Евангеліи. Если
нѣтъ и не можетъ быть другихъ истинныхъ идеаловъ жиз-
ни и счастія помимо тѣхъ, которыя возвѣщены Христомъ,
то нѣтъ и не можетъ быть и средствъ для осуществленія
ихъ цѣлесообразнѣе тѣхъ, которыя указаны Имъ-же. При-
нимая отъ Него идеалы и вмѣстѣ съ тѣмъ извлекая побу-
жденія для осуществленія ихъ изъ сбивчивыхъ внушеній
человѣческаго разума, мы невольно ослабляемъ ихъ дѣй-
ствіе на свою волю. И для большинства, быть можетъ,
главная опасность не достигнуть столь желаннаго счастія
выдвигается именно съ этой стороны: при всѣхъ знаніяхъ
того, что должно быть, мы находимъ въ себѣ недостатокъ
рѣшимости расположить свою жизнь по плану этого должна-
го, потому что подъ давленіемъ моды ищемъ другихъ
чисто человѣческихъ путей для выполненія такого плана,
путаемся въ этихъ поискахъ, „двоимся въ мысляхъ“ и
черезъ то оказываемся „не тверды во всѣхъ путяхъ сво-
ихъ“. Главная цѣль жизни и счастіе постоянно видятся
впереди, но путь къ нимъ загромождается цѣлымъ рядомъ
земныхъ частныхъ цѣлей, которыя ставятся для нашей
дѣятельности однимъ разумомъ, и на достиженіе которыхъ
иногда тратится вся жизнь, хотя обыкновенно и не исче-
заетъ надежда, что вотъ всетаки наступитъ моментъ, когда
устранятся промежуточные цѣли и покажется легкій, ров-
ный, близкій путь къ цѣли главной. Тщетны эти ожиданія
и надежды потому особенно, что, погружаясь въ достиженіе
земныхъ цѣлей, человѣкъ обычно изъ за нихъ мало по ма-
лу теряетъ изъ виду цѣль главную, забываетъ направленіе
своего жизненнаго пути и промежуточную остановку начи-
наетъ принимать за точку прибытія. Иногда бываетъ уже
поздно и не возможно счастливо выбраться изъ причудли-

вой сѣти хитро переветенныхъ и запутанныхъ нитей жизни, незаметно, но прочно прикрѣпляющихъ и притягивающихъ насъ къ землѣ, — и начать снова путь туда, откуда единственно исходить счастье. Съ годами мѣняются отношенія жизни, а съ этими отношеніями мѣняются и самыя возрѣнія, потребности и желанія; мѣняется и основная точка зрѣнія, съ которой мы прежде смотрѣли на жизнь и на самихъ себя, понижаются и материализуются самыя идеалы, которые прежде поддерживали и возбуждали нравственную бодрость и энергію. Словомъ — все въ царствѣ земныхъ цѣлей ведетъ къ нравственному усыпленію. И только когда бьетъ послѣдній часъ, почти всегда наступаетъ пробужденіе, но какое страшное, безотрадное пробужденіе! Ужасъ, холодное отчаяніе, безнадежное сознание, что жизнь потрачена не на то, для чего она была дана, — таковы вѣнецъ всѣхъ мучительныхъ стремленій найти счастье тамъ, гдѣ его нѣтъ и быть не можетъ.

Таковы частыя показанія дѣйствительности, таковы-же показанія и внутренняго опыта cadaго. Нужно только внимательно прислушиваться къ нимъ, и тогда сильнѣе потянетъ откликнуться на дивный призывъ Христа: „*возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Мене..... и обрящете покой душамъ вашимъ*“ (Мѡ. 11, 29), чаще станетъ просыпаться въ душѣ стремленіе къ одному „непоколебимому“ (Евр. XII, 28) „царству Божію и правдѣ его“ (Мѡ. VI, 33). Только это легкое иго Христово и царство Божіе могутъ быть великою цѣлью, къ которой одной можетъ благоплодно тяготѣть наше сердце. Если эта цѣль освящаетъ всю нашу жизнь, то и при исчезновеніи всѣхъ земныхъ привязанностей, среди мірской суеты и волненій, среди всѣхъ соблазновъ и огорченій сердце не лишается того мира и удовлетворенія, которые одни всюду и всегда отыскиваются нами подъ именемъ *счастія*.

И. Андреевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ официальный: I. Отъ редакціи. II. Высочайшее повелѣніе. III. Епархіальныя извѣстія. IV. Преподано Архипастырское Благословеніе. V. Утверждены церковными старостами. VI. Отчетъ о состояніи Таврическаго епархіальнаго женскаго училища.

Отдѣлъ неофициальный. 1) О счастіи.

Дозволено Цензурою. Симферополь, 3-го Февраля 1894
года. Цензоръ Священникъ *Іоаннъ Тяжсловъ.*

Редакторъ Секретарь Консяторіи *А. Гроздовъ.*